

СОЦИОЛОГИЯ: ПРИЗВАНИЕ И ПРОФЕССИЯ

ИНТЕРВЬЮ С ПРОФЕССОРОМ МАРККУ КИВИНЕНОМ

— *Первый вопрос, который я хотел бы вам задать: как вы стали социологом? Что именно определило ваш выбор?*

— Я изучал социологию в Университете Хельсинки в 1970-х гг., когда там царила критическая социология — это было время критического поворота в рамках теоретических социологических исследований. Отмечу, например, «Наступающий кризис западной социологии» Алвина Гоулднера. Конечно, дебаты не были полностью марксистскими, но это был левый поворот в интеллектуальной жизни западного научного сообщества — из-за войны во Вьетнаме и событий 1968 года в Париже. Ситуация в Финляндии кардинально отличалась от ситуации в Восточной Европе. Оккупация Праги сделала социалистическую альтернативу немислимой в интеллектуальных кругах Восточной Европы. Конечно, и для левых финнов это стало интеллектуальным кризисом. Все было очень противоречиво, во многих отношениях. Но у меня уже имелся опыт в социологии, поскольку моя мать изучала ее. В 1950-х гг. американская социология добралась до Финляндии, она принесла идеи Парсонса и опросный подход. Так что у меня было что-то вроде *блата*. Моя мать читала социологические журналы, и я тоже знакомился с этими материалами. Еще в школе я читал книги по социологии. Можно добавить, что мои родители принадлежали к левым финнам и при этом были антисталинистами. Так что я интересовался Советским Союзом — из-за очень противоречивых чувств, которые испытывал по отношению к нему.

— *Насколько я знаю, в середине 1990-х гг. вы работали в Университете Уорвика в качестве приглашенного исследователя. Как общение с британскими учеными, такими как Саймон Кларк, повлияло на ваши научные интересы?*

— Да, это было очень важно для меня: в то время Саймон Кларк организовывал масштабные эмпирические исследования, насыщенные концептуально и теоретически. Он был одним из первых ученых, кто изучал изменения в постсоветской России с теоретической точки зрения. Он разработал свой собственный анализ советской системы, в том числе анализ трудового коллектива и противоречий социалистического способа производства. Хотя я не был полностью согласен со всеми его суждениями, но многое принял, например, то, что касается трудового коллектива. Суждения же относительно развития производственных

отношений, на мой взгляд, более спорны. Но я думаю, что общий подход, сочетающий микро- и макроуровни, и понимание советской системы и постсоветского общества, были весьма значимы. И они определенно повлияли на осмысление моей предыдущей работы о процессах труда и классовых отношениях. Я по-прежнему полагаю, что Саймон Кларк — один из ключевых социологов в постсоветских исследованиях, теоретических и эмпирических.

— *Итак, вы интересовались российской и советской тематикой уже на ранних этапах своей карьеры — в том числе и под влиянием вашей семьи. Когда вы непосредственно обратились к исследованиям России? Какие проблемы развития российского общества вас изначально заинтересовали?*

— Меня всегда интересовала проблема демократии. В этом тоже сказалось влияние семьи, поскольку, как я сказал, мои родители были радикальными левыми. Точнее, они хотели одновременно быть демократами и радикальными левыми. На мое поколение вообще очень сильно повлияли марксисты. Мы, студенты, довольно систематически читали Маркса. А многие шли дальше — изучали классическую политическую экономию и Гегеля. В самом начале, помню, у нас был преподаватель-социолог, уже немолодой, придерживавшийся критического подхода, и он как-то сказал, что мысль о независимости политической и экономической систем ошибочна. Тогда я пытался выяснить, как это утверждение согласуется с марксистской традицией. Тогда, в 1970-е гг. в рамках теории левых шли большие споры. С одной стороны, французская дискуссия вокруг Луи Альтюссера, очень влиятельного в 1960-х, с его идеей идеологического государственного аппарата, и его ученика Никоса Пуланзаса, который был более глубок социологически и публиковал работы о классах и власти государства. За этой дискуссией я очень внимательно следил в начале и середине 1970-х гг.

Другая дискуссия была немецкая — она сводилась к тому, чтобы в каком-то смысле создать том о государстве, которого не написал Маркс. Это был своего рода гегелевский марксизм в Западной Германии. И я выяснил, что подобные исследования велись еще в 1920-х гг. в Советском Союзе Е.Б. Пашуканисом и П.И. Стучкой, но также И.П. Разумовским и другими. Все они были репрессированы, за исключением Стучки и, конечно, Вышинского. Таков был мой первый опыт изучения советской концепции государства: я открыл сложную дискуссию относительно взаимосвязи между экономической, политической и правовой системами. Я обнаружил, что выводы, сделанные в рамках этой марксистской традиции на Западе, не были вполне удовлетворительными. Но продолжить изучение этого вопроса я не смог. Я был в СССР в 1979 г. — тогда уже появилась возможность изучать историю правовых идей в Советском Союзе. Я посетил Институт государства и права в Москве и выступил с докладом об этой проблеме, комментируя ее с моей позиции, т. е. более или менее в рамках левых западных подходов.

— *А это не было слишком радикально, с точки зрения советских ученых?*

— Да, это все еще было табу. Люди были не готовы вступать в открытые дебаты. Все подавалось в форме очень абстрактных методологических вопросов: например, что является началом правовой системы, субъект права или право-

отношения. Я полагаю, что в области советского правоведения аргументация и вся идея обращения к началу была попыткой осмыслить сталинское право, но это нельзя было обсуждать открыто и систематически. Так что я знал кое-что о советских дискуссиях, но в тогдашней ситуации не мог выступать открыто с позиций западного марксистского подхода. Однако все эти проблемы и сегодня остаются актуальными, как и вопрос о взаимосвязи экономических, политических и правовых систем.

— *Тогда, в 1980-е гг., вы были сосредоточены на изучении среднего класса. Как вы считаете, каковы основные особенности развития среднего класса в России в течение последних двадцати лет?*

— Обсуждение среднего класса было и остается ядром политической социологии. И мы можем наблюдать это в России в течение последних двадцати лет. Однако обсуждение этой проблемы началось еще до Советского Союза, если обратиться, например, к работам Э. Бернштейна и К. Каутского. Они уже дали определения старого и нового среднего класса. Старый средний класс — это мелкие предприниматели, новый средний класс — новые наемные работники. И если посмотреть на западные общества того времени, можно сказать, что этот новый средний класс еще очень мал и в него входят главным образом государственные служащие. Тогда ведь в целом было очень немного инженеров, управленцев и других специалистов. Но когда этот новый средний класс начал развиваться, это тоже стало своего рода дилеммой для марксистской традиции. Бернштейн имел в виду в первую очередь предпринимательский средний класс, который никогда сильно не разрастался. Таким образом, Каутский был прав, когда утверждал, что мы должны говорить о новом среднем классе. В Советском Союзе ни один из них не мог существовать в реальности, потому что это было общество, которое предположительно образовывало треугольник: рабочий класс — колхозники — интеллигенция. Однако профессиональные позиции для формирования нового среднего класса существовали уже тогда, когда распался Советский Союз: были огромные группы инженеров, учителей и т. д. И в начале процесса перехода не было понятно, что может произойти с этими группами, ведь в самом начале, в 1990-х гг., они были сильно рассредоточены. Постсоветская Россия в 1990-е гг. была более пролетарской, нежели «среднеклассовой». Но затем, когда экономика начала расти, средний класс все больше и больше оформлялся, его позиции укреплялись.

Однако формирование среднего класса в России обсуждается в политических дебатах слишком прямолинейно. Обычно в России мало внимания уделяется крайне противоречивым интересам среднего класса, которые довольно широко обсуждались в рамках западной социологии. Российские исследования все еще излишне прямолинейны в понимании того, как формируются классовые интересы и каким образом из классовых интересов можно вывести реальную конфигурацию классов как политических сил. Благодаря традиции культурной социологии и структурирования классов сейчас мы знаем об этом гораздо больше, нежели двадцать или тридцать лет назад, и социология продолжает делать успехи в концептуальных и эмпирических областях. И мы не должны поверхностно относиться к проблематике классов. Нужно учитывать

также некоторые проблемы измерения, поскольку классы структурированы различными способами.

— *Ваша книга «Прогресс и Хаос» в свое время была одной из немногих работ, в которой рассматривалась советская история и постсоветское российское общество с точки зрения классических и современных социологических теорий. Что было вашей основной целью при написании этой книги?*

— Я хотел показать важную роль социологии в обсуждении социальных изменений в России и то, насколько идеи классической социологии значимы при анализе текущих изменений. Я стремился рассмотреть проблемы власти, классов и культуры с социологической точки зрения, что позволило интерпретировать социальные изменения в Советском Союзе и современной России в новом русле. Теперь мы можем по-новому взглянуть не только на переходный период, но и на времена Советского Союза.

— *Можно ли сказать, что в качестве теории в этой книге вы использовали неомарксистский классовый анализ и дюркгеймовскую социологию культуры? Как вам кажется, каковы преимущества использования данных подходов?*

— Да, это действительно можно охарактеризовать именно таким образом, однако стоит помнить, что когда мы говорим о классах, мы обычно имеем в виду смесь марксистского и веберовского подходов, которая характерна для таких авторов, как Эрик Олин Райт и Джон Голдторп. Эти ученые очень близки друг к другу с точки зрения понимания актуальности класса. Для них как классы, так и структура играют важную роль. Однако оборотной стороной медали является культура и то, каким образом она учитывается. Наше понимание культурного формирования классов восходит к работе Э.П. Томпсона «Становление английского рабочего класса», к трудам Бирмингемской школы, посвященным классовой культуре, и, конечно, к очень важным в этом отношении трудам П. Бурдьё. Для понимания того, каким образом культурный подход к классам связан со структурными характеристиками, нам непременно нужно учитывать оба этих подхода. Бурдьё все время занимался этим в своих работах, разрабатывая понятие габитуса. Его не интересовали вкусы и способы жизни в отрыве от структуры, вне связи с неравенством. Данная мысль зачастую теряется при поверхностном прочтении работ Бурдьё, но он действительно рассматривал именно структурную связь и неравенство в современном обществе.

— *В одном из своих интервью вы упоминали таких важных для вас социологов, как Норберт Элиас, Ирвинг Гофман и Чарльз Райт Миллс. Каким образом их идеи повлияли на вас?*

— Элиаса я считаю великим социологом, поскольку он смог совместить микрофеномены с огромными социальными изменениями на макроуровне. Это удивительно стройная концептуализация цивилизационных процессов в современном обществе и того, каким образом они связаны с властью. Элиас также высказывает интересные идеи о том, каким образом обычная повседневная жизнь связана с глобальными историческими изменениями. Гофман же продуктивен в создании и использовании базовых социологических понятий, таких как «фрейм», которые играют важную роль в понимании современного мира с точки зрения институтов. Он не только очень тонкий наблюдатель, но

и талантливый теоретик, создававший понятия для структурирования этих наблюдений. Воззрения Миллса важны для понимания роли социологического воображения в том смысле, что социологи должны уметь связывать социологические понятия с повседневной жизнью и повседневными заботами обычных людей.

— *Понятие социологического воображения крайне важно для вас: английское название вашей книги «Прогресс и Хаос» носит подзаголовок «Россия как вызов для социологического воображения» (хотя в русском переводе его опустили). Так что же для вас значит социальное воображение?*

— Я считаю, что это базовый подход социологов. В том смысле, что социологи способны каким-то образом подняться над обыденным пониманием мира и повседневностью и в то же время всегда учитывать эту повседневность. Социолог вовлечен в повседневную жизнь, однако воспринимает ее связь с историческими событиями неким более сложным образом, чем обыватель. Например, когда Лев Толстой писал о связи отдельных людей с большими историческими событиями, он подчеркивал, что эти исторические события происходили за спиной обычных людей. А задача социолога как раз и состоит в том, чтобы увидеть эту связь, понять, в какой степени люди воспринимают свои действия в связи с историческими событиями. При этом избегая крайностей: с одной стороны, господства всемогущих макроструктур, а с другой — рассмотрения повседневной жизни как абсурдных индивидуальных событий...

— *В своих работах по социологии вы довольно часто ссылаетесь на литературные произведения. Насколько мне известно, вы автор романа на финском языке, который также был переведен на немецкий. Каким образом, на ваш взгляд, литература связана с социологией?*

— Вольф Лепенис в одной своей известной книге рассматривал социологию как нечто, что находится между литературой и наукой. Мне кажется, совершенно уместно рассматривать социологию с этой точки зрения. Конечно, литература во многом близка социологии. Например, если взглянуть на финскую социологию, то, как мне кажется, лучшие работы — это почти художественные произведения, написанные, как романы. Настоящее искусство в социологии — сочетать этот способ письма, где выступают живые люди, и социологические понятия. Это довольно сложно, и осуществить подобный синтез без наличия того самого социологического воображения практически невозможно. Кроме того, социолог должен быть достаточно смелым, чтобы разрабатывать новые идеи и концепции в рамках существующих традиций. Я с большим недоверием отношусь к подходам, которые не содержат теоретической дискуссии и анализа, а только описательный материал. В этом смысле социология отличается от литературы, т. к. в ее основе лежит именно анализ.

— *Как вы можете охарактеризовать текущее положение дел в социологии в Финляндии? Какие области исследований и теоретические подходы являются наиболее востребованными?*

— Проблема финской социологии заключается в том, что у нас есть традиции, но нет сильных школ. Многие люди интересуются классиками социоло-

гии. Есть те, кто изучает Ю. Хабермаса, Н. Лумана и даже Т. Парсонса. Одно из самых интересных исследований — работа Маркку Йоутсеноя о Парсонсе, которая анализирует становление социологической дисциплины в США. Мне кажется, это очень глубокая работа, которая полностью вписывается в международную дискуссию о Парсонсе. Однако из-за того, что Финляндия — маленькая страна, многие из наших разработок, например, исследования Ристо Хеискаала по теоретической социологии, остаются незамеченными в больших странах. В этом заключается одна из странностей социологии — интеллектуальные теоретические инновации воспринимаются только в том случае, если они исходят от больших стран. Россия в этом смысле находится в выгодном положении: здесь довольно большое сообщество социологов, которые могут повлиять на ситуацию в мировой социологии. У нас в Финляндии есть хорошие аналитические разработки проблем финского общества, социальной политики. И у нас сильные последователи М. Фуко, сильная традиция П. Бурдьё. Кроме того, у нас ведутся аналитические разработки структурного развития финского общества, информационного общества и других подобных тем. И потом, сетевой анализ. Даже в изучении России у нас есть социологическая традиция. Некоторые социологи выступают на международной арене, но в мире от финнов не ждут заметных теоретических новшеств.

— *Давайте теперь поговорим об изучении России в Финляндии. Важной вехой в развитии данного направления является создание Александровского института, который уже стал одним из главных центров по изучению России. Каким образом исследовательская программа Института изменилась, начиная с 1996 г.?*

— Как мне кажется, главное, что мы поняли за последнее время, — чтобы выйти на международную арену, необходима систематическая исследовательская программа. Мы начали с отдельных исследований, но затем постепенно систематизировали наш подход, обобщая его основные идеи. В основе подхода лежит наше собственное понимание основных вызовов, с которыми сталкивается современная Россия на макроуровне.

— *С какой целью создавался Центр передовых исследований «Возможные направления российской модернизации»?*

— Основная идея заключалась в том, что Россия обычно понимается как нечто предопределенное, и деятельность в этом случае не учитывается. Мы же намеревались использовать что-то вроде структурального подхода Э. Гидденса, в том смысле, что мы хотели проанализировать и структуры, и деятельность. Это в общем та же идея, что была у меня в работе «Прогресс и Хаос», но в более общих терминах. В изучении России преобладает детерминистский способ мышления: Россия предрасположена быть тоталитарной, патримониальной и т. д. Существует и альтернативная точка зрения: Россия, подобно другим современным переходным обществам, обращается к рыночным отношениям, демократии, верховенству закона и т. д. Оба этих подхода являются значимыми, однако роль деятельности в них остается непроясненной.

— *Вы являетесь директором Центра передовых исследований, а также лидером группы «Режим социального обеспечения». Какова исследовательская тематика данной рабочей группы?*

Интервью с профессором Маркку Кивиненом

— Основная проблема заключается в том, что в России до сих пор не существует систематической институциональной основы для социального обеспечения. Результатом этого становится огромная проблема смертности в стране, а также непредсказуемость в таких сферах, как занятость населения, здравоохранение и пенсионная система. На данный момент российская система представляет собой странную смесь индивидуальных рисков, приватизации, неформальных практик, а также попытки создания этатистской социальной политики. Однако пока что это нельзя назвать полноценной системой социального обеспечения — это больше похоже на разрозненное объединение различных институтов. Наша основная цель — выяснить, кто и каким образом будет производить изменения в системе социального обеспечения. Существуют сильные структурные факторы, которые могут подтолкнуть страну на создание неолиберальной системы социального обеспечения. При этом присутствуют и факторы, которые могут привести к созданию этатистского общества и даже этатистской системы социального обеспечения.

— *Какой современный социологический подход, с вашей точки зрения, способен наиболее точно описать и объяснить процесс модернизации в России?*

— Я считаю, что необходим диалог различных парадигм. Я не думаю, что для этой проблемы существуют какие-либо готовые решения, однако мы готовы к тому, чтобы теоретически разработать проблему модернизации, а затем дать эмпирически обоснованный ответ на исследовательские вопросы. Сегодня основным видится вопрос о структуризации и деятельности, т. е. как структуры и деятельность взаимосвязаны в процессе структуризации, и именно этот вопрос, как мне кажется, порождает новую парадигму. Все рассуждения Й. Арнасона о множественных модерностях или теория М. Манна о сетях власти могут рассматриваться в данном контексте.

— *И последний вопрос: над чем работаете сейчас и какие у вас планы на будущее?*

— Сейчас я являюсь руководителем Центра передовых исследований (включающего 50 человек) и занимаюсь вопросами интеграции этой группы. Это одна из моих обязанностей. Помимо этого, я много работаю над проблемами, связанными с модернизацией и ее актуальностью для России. Также я занимаюсь сравнительным анализом Китая, Японии, России и Финляндии. Еще у нас есть уже упомянутая рабочая группа по социальному обеспечению, которая состоит из очень талантливых молодых людей, удачно дополняющих друг друга: часть из них хорошо разбирается в качественных методах, а часть — в количественных. У меня большие планы по разработке этой проблематики. Ну и заканчиваю работу над очередным романом — собираюсь завершить его в этом году. Уже есть рукопись, но она еще требует доработки.

— *Большое спасибо за интервью!*

*Интервью провел М.В. Масловский
Перевод с английского Д. Ткачук, С. Новицкаса
Фото: Вейко Сомерпууро*